051983

2 6 0

ТУ-19-241-82

8

2

студия
ДИАФИЛЬМ

Б. ЕМЕЛЬЯНОВ

Пашка — милиционик

ХУДОЖНИК
Б. ИГНАТЬЕВ

Лет шестьдесят назад, в Петрограде, в сыром подвале на Миллионной улице жил вдвоём с больной матерью Павел Соколов.

То ли в горькую насмешку, то ли просто так, по названию улицы, товарищи прозвали бедняка Павла Пашкой-миллионщиком.

Пашка не возражал, но жилось ему от этого не легче. Случались дни, когда у него с матерью и копейки не бывало.

Мокрая, холодная осень стояла в городе. В очередь за хлебом Пашка ходил в старой материнской кацавейке и, если было уж очень холодно, надевал на босые ноги старые галоши.

Уличные мальчишки узнавали его в таком одеянии за версту: «Пашка-миллионщик идёт!» — «Эй, Пашка, здравствуй!» — Они любили Пашку: он никогда не терял бодрости, ни от какой трудной жизни не приходил в уныние.

Однажды утром Пашку разбудила стрельба. Пашка не испугался: в Петрограде в суровые дни 1917 года люди успели привыкнуть к стрельбе.

Стреляли в феврале, когда свергали царя,

стреляли в июле, когда юнкера, меньшевики и эсеры расстреливали рабочую демонстрацию...

Но очень уж часто, очень уж близко гремели выстрелы сегодня. Пашка взобрался на подоконник. Но что он мог увидеть из своего подвального оконца...

Вот пробежали солдатские ботинки. На колёсиках по тротуару прокатился пулемёт. Ухнул разрыв гранаты. Стёкла звякнули, задрожали.

Пашка не выдержал. Как был, босиком, он взвился на чердак. Отсюда из слухового окошка было видно далеко-далеко.

По дворцовой площади мчались броневики, из-за ограды Зимнего дворца трещали выстрелы.

Чёрной железной колонной, ощетинясь винтовками, шли по Невскому матросы. Красные знамёна так и полоскались на ветру.

«Вся власть Советам!»—успел прочитать Пашка.—«Долой правительство помещиков и капиталистов!»—«Ура!—закричал он радостно.—Долой!»

Всё новые и новые отряды стремились к центру города. Бежали люди в кожаных рабочих куртках и чёрных бушлатах.— «Большевики!—сказал Пашка с удовольствием.—Был бы отец живой, и он с ними шёл бы!»

Пашка спустился в нетопленую комнату к больной матери. Недолго думая, расколол свой любимый самокат «тысяча вёрст в час», растопил им печку-буржуйку, поставил на печку чайник.

—Не плачь,—ласково сказал он матери.—Слышишь, как гремит? Это, мамка, наверное, настоящая революция. Пей чай! У нас с тобой ещё восемь картошек есть. Мы с тобой, мамка, богатые!

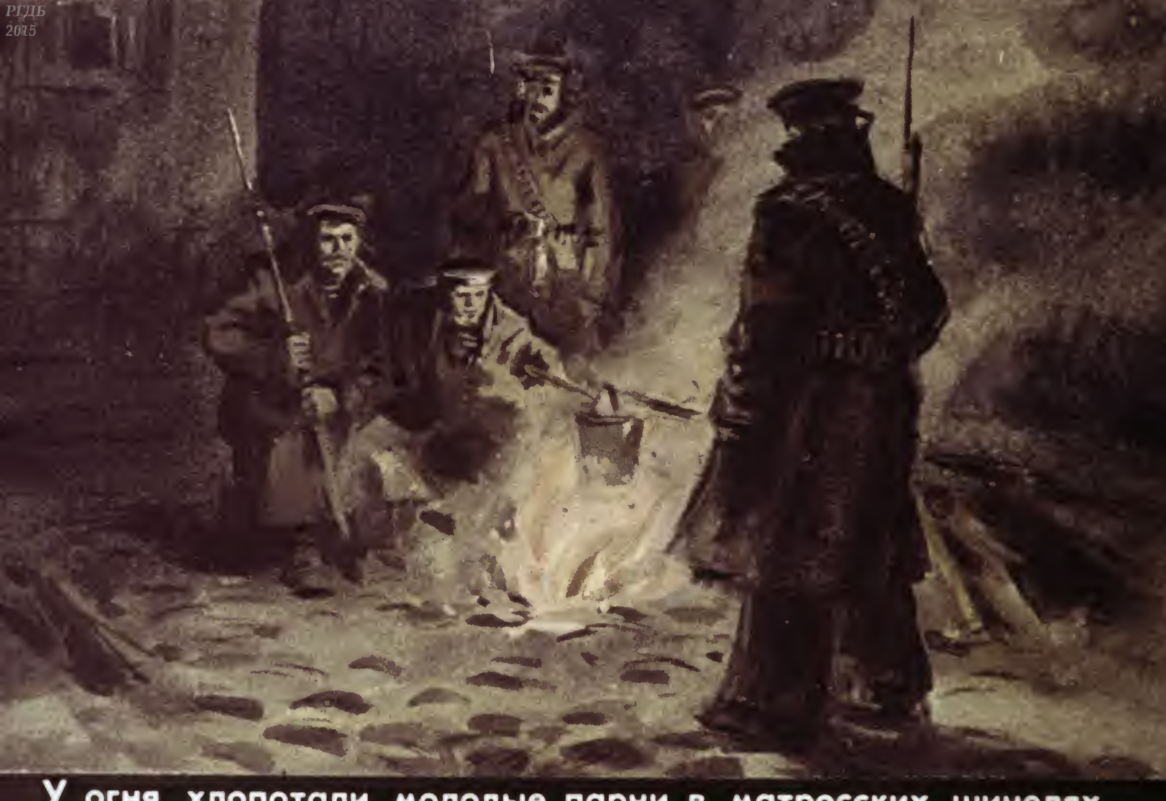
—Миллионщики,—усмехнулась мать, тихо вытирая слёзы. Дышала она тяжело.

Когда стемнело, Пашка вышел из дому. Ой, как холодно и неприветливо было на улицах. Хлебом в городе и не пахло. Пахло порохом.

Вспышки выстрелов сверкали недалеко, на площади против Дворца. На углу переулка горел костёр.

У огня хлопотали молодые парни в матросских шинелях. На костре в ведёрке кипела вода.

—«Это вы зачем её кипятите? Для сугрева?»—спросил Пашка из темноты. Матросы схватились за оружие: «Кто идёт?»— И сразу же увидели Пашку.

—Ты откуда? Кто такой?—сурово сказал самый старший, высокий матрос.—А ну, отвечай, как положено.

Пашка не знал, как положено отвечать в таких случаях.— «Я Пашка-миллионщик,—сказал он успокоительно.—Вы не бойтесь, меня тут все знают. Отец у меня тоже матросом был».

—«Был...—проворчал высокий.—А теперь где он есть?»—«Он теперь на дне морском. На «Смелом» потонул возле острова Гельголанда... Одни мы с мамкой живём».

—«Хорошо, наверное, живёшь на свои миллионы?»—спросили матросы.—«Плохо,—ответил Пашка доверчиво.—Картошка кончилась, а хлебные лавки не работают».

Ветер злобно дунул из-за угла, полы Пашкиной кацавейки разлетелись, и матросы увидели под ней голое худое тело.

—Видно, что богач!—сказал высокий.—На вот, поешь, милок, матросского пирога.—Он сунул Пашке большой ломоть хлеба.

—Спасибо, дяденька,—сказал Пашка, засовывая хлеб за пазуху.—Я у вас сейчас щепок наберу и пойду. Спасибо!

—Пирог-то матери что ли прячешь? Правильной жизни парень. А ну, Семён, дай ему полбуханочки хлеба да пару полен прихвати! Помоги миллионщику донести.

—Ишь, какой ветрище задувает! На, миллионщик, возьми ремень, подпояшься.—И матрос затянул Пашку блестящим ремнём с золотым якорем на пряжке.

Теперь ветер мог дуть как угодно! Пашка был счастлив. Семён провожал его до самого дома.

Потом зашёл в комнату, постоял, посмотрел.— «Если жив останусь, приду,— пообещал он.— Жди!»

Штурм Зимнего начался через два часа.

Пашка не спал и всё слышал: треск пулемётов и крики «ура». А потом так бахнуло, что весь дом задрожал и посыпалась штукатурка.

Пашка тогда ещё не знал, что это сигнал к штурму Зимнего—исторический выстрел «Авроры».

Под утро всё стихло, и Пашка с чердака сразу увидел над Зимним дворцом красные флаги.

Вечером на другой день зашли на квартиру к Пашке матросы и сами перетащили Пашкину мать на третий этаж в большую светлую комнату.

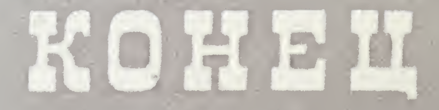
—Живите,—сказал матрос Семён на прощанье.—Поправляйтесь. Давай, Пашка, руку. Ты теперь настоящий богатый человек. Помни! Радуйся!

—«Почему ж это такое, дяденька?»—с робостью спросил Пашка.—«Потому, друг,—он подвёл Пашку к окну,—видишь вот землю, город, дома, дворцы...

Смотри лучше — потому, что всё это теперь твоё, парень! Навсегда. Навечно. Октябрьская революция победила».

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор В. Иванов

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1977 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30
Д-158-77